

みんなくりポジトリ

国立民族学博物館 学術情報リポジトリ National Museum of Ethnology

Краеведение. Роль СССР в
деле исследования
Монголии

メタデータ	言語: ru 出版者: 国立民族学博物館 公開日: 2010-03-23 キーワード (Ja): キーワード (En): 作成者: A. D. , シムコフ メールアドレス: 所属:
URL	http://hdl.handle.net/10502/3761

Краеведение

А. Д. Симуков

Роль СССР в деле исследования Монголии

Непосредственно прилегавшая к границам царской России, Монголия уже с давних пор привлекала внимание русских исследователей. История ее исследования пестрит русскими именами. Западно-Европейские путешественники появлялись на монгольском горизонте изредка и, за редкими исключениями, не оставляли глубокого следа в истории познания этой страны. В России же уже давно образовалась как бы школа монголоведов и исследователей Центральной Азии вообще, давшая много громких имен, носители которых сделали ценнейшие вклады в науку о земле и ее обитателях. Достаточно вспомнить Пржевальского, Позднеева, Потанина.

Как бы по традиции, первенство русских в деле исследования Монголии сохраняется до сих пор и работа научных сил Союза в этой, ныне братской революционной стране не только не сокращается, но, наоборот, имеет ярко выраженную тенденцию расширяться.

Причины же глубокого интереса к Монголии со стороны северной соседки в до- и послереволюционное время коренным образом различаются между собой. Оставив в стороне решение больших научных проблем, имеющих общемировое значение, мы видим, что до революции царское правительство поощряло исследование Монголии, надеясь в недалеком будущем превратить эту страну в свою колонию, по примеру государств Средней Азии. Кроме того, политиков того времени привлекали непосредственные подступы к внутреннему Китаю, и по сей час являющемуся яблоком раздора между крупными хищниками империалистического мира. Недаром существовал проект соединения Транссибирской железнодорожной магистрали с Калганом через Кяхту и Ургу.

1) “Хозяйство Монголии”, политико-экономический журнал, издававшийся Монголо-Советским Деловым Клубом (Уланбатор) на русском языке в конце 20-х – начале 30-х годов XX века.

После Октября положение круто изменилось. В настоящее время научные силы Союза ССР, работая на территории Монголии, тем самым оказывают братскую помощь свободной революционной стране, не имеющей пока собственных ученых в различных областях знания. Помимо этой помощи, на территории Монголии находится ключ к решению многих важных научных проблем, поставленных изучением окраин Союза ССР. Решение этих проблем имеет в большинстве большое значение и для познания Центральной Азии вообще.

Задача данного очерка – дать краткий обзор работы советских ученых на территории МНР за истекшее время.

* * *

Первой серьезной научной экспедицией, посланной в пределы МНР после очищения последней от белобандитов, была экспедиция известного путешественника и знатока Центральной Азии П.К. Козлова, ученика и последователя первого крупного исследователя Центральной Азии Н.М. Пржевальского. Экспедиция эта была организована Совнаркомом СССР, рассчитана на трехлетний срок и предназначалась вначале для исследования Тибета, почему и носила официальное название Тибетской или Монголо-Тибетской экспедиции. Но, в силу целого ряда причин, экспедиции этой пришлось изменить первоначальные задания и ограничиться в своей работе почти исключительно территорией МНР. Полевая работа экспедиции, перешедшей границу осенью 1923 года, началась в феврале – марте 1924 года. Первым и пожалуй, наиболее крупным ее достижением было открытие так называемых “Ноин-ульских” курганов в окрестностях бывшего прииска Цзун-модо, километрах в 100 к северу от Улан-Батора. Богатейшее содержание этих курганов, добытое путем раскопок, бросило яркий свет на историю северной Монголии в период, на 2000 лет предшествовавший современности. Ряд ценнейших уник показал, что и в это время на огромных пространствах Азиатского материка существовал оживленный товарообмен и, следовательно, культурное общение между большими самостоятельными культурными очагами. Так, кочевое племя Хун-ну, хоронившее своих князей в живописных лесистых долинах горного узла Ноин-ула, имело возможность получать товары из Китая, центрального и южного, из центров так называемого скифо-сибирской культуры, развивавшейся в южной полосе Сибири, и из передней и средней Азии (Персия, Туркестан). Кроме того, в погребениях найден был целый ряд предметов греческого происхождения, попавших сюда, вероятно, из греческих колоний побережья Черного моря. Большинство находок показывает высокий уровень искусства и производственной техники в

перечисленных странах в столь отдаленный период истории Азии. Дата погребений установлена точно, особенно в результате последующих (1927 г.) раскопок Ученого Комитета МНР. При этих раскопках удалось добыть китайскую лаковую чашечку с прекрасно сохранившейся надписью, расшифровка которой дала год сооружения данной могилы по китайскому летоисчислению. Год этот относится к первым годам нашей эры. Суждению о всех предметах, добытых раскопками (погребения были исключительно богаты по содержанию), помогает изумительная их сохранность, объясняемая почвенными и температурными условиями при большой (до 15 метров) глубине погребений.

Долговременное (15 месяцев) пребывание нескольких сотрудников экспедиции на одном месте, среди богатой природы, дало возможность поставить стационарное исследование флоры и фауны западной окраины Кентэя, к которой относится Ноин-ула. Такое же исследование, только в течение более коротких сроков, производилось и в других местах – в районе верхней Хары (Сугнур) и на Толе (Сангин). Стационарное исследование природы было поставлено в Монголии впервые и сразу же дало хорошую базу для дальнейшего детального изучения Северной Монголии. Отдельными небольшими экскурсиями был освещен малоизвестный высокогорный район Западного Кентэя.

Закончив раскопки в середине лета 1925 года, экспедиция перешла к маршрутному исследованию страны. Один маршрут был уже проложен в 1924 году сотрудником экспедиции, ботаником Н.В. Павловым, исследовавшим восточную окраину Хангайского хребта и степные и пустынные пространства, прилегающие к нему с востока и юга.

Две партии, на которые разделилась экспедиция в 1925 году, совершили следующую работу. Западная, под непосредственным руководством П.К. Козлова, прошла из Улан-Батора на Мишик-гун и Сайн-ноин, где и зазимовала в высокогорном районе истоков Онгиин-гола. Продвигаясь по этому небольшому маршруту медленно, с длительными остановками, партия имела возможность детально изучить маршрут и произвести ряд интересных археологических работ. Зима была посвящена изучению, путем небольших разездов, высокогорных районов Восточного Хангая, главным образом в истоках Орхона. Весной 1926 года западная партия, выйдя на южные склоны Хангая, разделилась на два отряда. Один из них занялся палеонтологическими изысканиями, обосновавшись на ключе Холт, другой же, под руководством орнитолога Е.В. Козловой, продвинулся на юго-запад, к северным склонам Гобийского Алтая, и работал исключительно по зоологии, изучая фауну оз. Орокнор и хребта Ихэ-Богдо.

Восточная партия под руководством С.А.Глаголева, прошла из Улан-Батора малоизвестными степными и пустынными пространствами в юго-юго-западном направлении до восточной оконечности Гобийского Алтая – хребта Хурху. Отсюда она повернула на запад и прошла вдоль южной границы МНР до гор Ноин-Богдо, где остановилась на два месяца. Попутно был сделан маленький рекогносцировочный разъезд по ту сторону границы, к развалинам Хара-хото.

Исследования этой партии, охватившей своим маршрутом весьма большое пространство, носили рекогносцировочный характер, охватывая, главным образом, естественно-исторические особенности страны. На зимовку партия ушла в пределы Китая, на низовья Эцзин-гола, где были произведены некоторые работы стационарного типа. В начале лета 1926 года восточная партия занялась детальным исследованием развалин Хара-хото и следов культурного оазиса в окрестной Хара-хото пустыне. Одновременно на Эцзин-голе велись стационарные зоологические наблюдения. Работы были свернуты в конце лета. Проложив меридианальный маршрут от Эцзин-гола к южным предгорьям Хангая, восточная партия соединилась с западной в ур. Холт, откуда вся экспедиция в целом прошла на Улан-Батор и в середине сентября 1926 года покинула пределы МНР.

Результаты этой экспедиции, работы которой были столь разнообразны, весьма значительны. Они положили начало детальному изучению страны там, где до этого прокладывались лишь летучие маршруты рекогносцировочного характера. Они ответили на многие вопросы как исторического, так и естественно-исторического характера и поставили перед учеными новые, более детализированные проблемы. Кроме того, благодаря экспедиции П.К.Козлова заметно возрос интерес к Монголии как со стороны ученых кругов, так и со стороны широкой общественности Союза ССР и всего культурного мира.

На этой почве при СНК СССР была образована так называемая Монгольская Комиссия, которая и взяла на себя организацию дальнейших работ по исследованию Монголии.

Обзор многочисленных специальных экспедиций, работавших в Монголии за истекшее с 1923 года время, удобнее сделать, классифицируя их по роду работ.

Геология. Работы по геологии сосредоточились, главным образом, в северо-восточной и западной Монголии. В западной Монголии, начиная с 1923 г. работал старший геолог Академии Наук СССР И.П. Рачковский с помощниками. Его работы, планомерные и детальные, охватили в настоящее время весь крайний запад МНР, т.е. аймак Чиндамани ула и

часть аймака Хан-Тайшири ула. Они являются непосредственным продолжением его же исследований в Танну-Туве и прилегающих районах СССР, а потому дают широкую и, вместе с тем, достаточно детальную картину геологического строения указанных районов. Ряд данных, сообщаемых И.П.Рачковским, в корне меняет прежние представления об истории поверхности Монголии и, вместе с тем, заставляет думать о пересмотре имеющегося материала по строению Центральной Азии вообще. Им же сделано немало ценных практических указаний о местонахождении ряда полезных ископаемых. На основании его работ уже нетрудно вести горную разведку, пользуясь готовыми геологическими картами и схемами.

Работы в северо-восточной Монголии сосредоточились, главным образом, в Кентэе, в частности на его южной и юго-восточной окраинах. Здесь работал целый ряд исследователей, как например, минералог В.И. Крыжановский, геологи Островецкий и, главным образом, Куплетский. Детально были исследованы топазовые копи Горихо, где работала Костылева. Работы эти дали геологическую карту южной окраины Кентэя и ряд сведений по восточной его половине. И здесь дается ряд практических указаний в смысле использования ископаемых богатств края.

Проф. Домбровский проложил рекогносцировочный геологический маршрут в юго-восточной Гоби. В значительно менее широком масштабе велись геохимические исследования. Их вел главным образом проф. В.А. Смирнов. Он обследовал главнейшие озера западной Монголии, в смысле анализа воды и растворенных в ней солей, а затем занялся изучением минеральных источников Монголии, охватив северо-восток и центр страны. В предыдущем 1928 году он работал в юго-восточной Гоби, где сделал интересные наблюдения относительно общего усыхания страны вследствие испарения почвенных вод, не компенсируемого в достаточной степени осадками.

Почвенные исследования были весьма обширны. Начал их короткой рекогносцировочной поездкой, в связи с экспедицией П.К.Козлова, проф. Б.Б.Полынов. Его экспедициями были изучены степные, горностепные, полупустынные и пустынные почвы центра и юго-востока Монголии. Дальнейшим планомерным продолжением его исследований были работы Лебедева и Михайловской. Расширяя первоначальную площадь работ, их экспедиции охватили горные почвы восточной окраины Хангая, степи по среднему и нижнему Орхону, Толе и западную окраину Кентэйской Горной страны (Михайловская). Кроме того, Лебедев двумя большими экспедициями охватил значительный район к югу и юго-востоку от Улан-Батора, вплоть до Чойрина, Удэ, Дариганги и Ундур-хана. Этими

исследованиями достаточно полно освещен почвенный состав поверхности центра, юго-востока и, отчасти, севера Монголии. На очереди западная половина страны, ее южная и восточная окраины.

Одновременно с изучением самих почв, были освещены некоторые вопросы почвообразования, а также изучен и растительный покров, характерный для того или другого типа почвы.

Ботанические исследования были начаты еще в 1924 году сотрудником экспедиции П.К.Козлова, ботаником Н.В.Павловым, о поездке которого я уже упоминал выше. В 1926 году он совершил самостоятельную экспедицию, охватив двумя партиями нижний и средний Орхон, восточный Хангай, часть Центрального Хангая, южные склоны этого хребта до гор. Чжибхаланту и степной участок Эрдэни-Цзу – Улан-Батор. В последующие годы особое внимание было уделено Кентэйской горной стране, где работал ботаник Н.П. Иконников, руководимый указаниями акад. В. Л.Комарова. Им детально изучен восточный и южный Кентэй. Кроме того, много данных по ботанике дали, как указано выше, почвенные экспедиции. Особенно ценны работы геоботаника Крашенинникова, работавшего совместно с проф. Польшовым. Таким образом, в настоящее время хорошо изучен в смысле растительного покрова главным образом центр, отчасти север и юго-восток страны. Изучением охвачены все пояса, от альпийских лугов и каменистых россыпей вершин до солонцеватых гобийских впадин. Становятся ясными история заселения страны различными растительными формами и современные процессы изменения растительного покрова в сторону приспособления к большей сухости климата (ксерофитизация). Кроме того, исследования эти дают представление о видовом составе монгольских пастбищ различных поясов, а, следовательно и о качестве этих пастбищ.

Зоологические экспедиции развивали свою работу на основе, заложенной сборами экспедиции П.К.Козлова. В 1926 году первая зоологическая экспедиция, в составе зоологов А.Н.Кириченко, А.Я. Тугаринова и А.Н. Формозова проложила маршрут из Улан-Батора на южные склоны Хангая (Ламэн-гэгэн), затем на северные склоны Гобийского Алтая (Орок-нор, Ихэ-Богдо), далее на Джибхаланту и через Хатхыл в пределы СССР. Экспедиция, путем длительных стоянок в особо богатых фауной местах, хорошо изучила горно-степную фауну южных склонов Хангая, пустынную - озерной котловины (Северная Гоби) и горно-пустынную и высокогорную – Гобийского Алтая. В смысле млекопитающих, исследования этой экспедиции явились продолжением работ зоологов американской экспедиции Р.Ч. Эндрюса и дали много нового в смысле распространения малоизвестных и редких видов.

В 1928 году А.Я. Тугаринов работал в восточной Монголии, охватив Керулен, отчасти Халхаин гол и маршрут Улан-Батор – Удэ. Несмотря на то, что его работы были несколько скомканы вследствие слухов о чуме в Улан-Баторе, ему удалось дать схему животной жизни степной и полупустынной восточной Монголии, отличающейся бедностью фауны.

В текущем 1929 году на территории МНР работала зоологическая экспедиция Е.В.Козловой, детально исследовавшей высокогорный район Хангая близ г. Отхон-Тенгри и в истоках Хойту-Терхи, такой же район западной части хр. Тарбагатай, леса северных склонов этого хребта, горы Болнай, оз. Сангин-далай и местность далее к северо-востоку до Хатхала.

В области *археологии* также работало несколько экспедиций. Еще в 1924 году, при раскопках Ноин-ульских курганов, в помощь П.К.Козлову были посланы археологи С.А. Теплоухов и Г.И.Боровка, сделавшие дополнительно самостоятельную раскопку одного кургана. В последующие два года археологические изыскания производил по самостоятельным заданиям Г.И.Боровка. Он провел исследование исторических памятников в долине среднего течения Толы (от Улан-Батора до аймачного управления Богдо-хан-ульского аймака), классифицировав их по типам и времени возникновения. Путем ряда раскопок им добыт значительный археологический материал. Этими исследованиями установлена в общих чертах смена древних культур для данного района. Кроме того, он исследовал ряд памятников в долине верхней Хары (близ Мандал-обо) и дополнительно раскопал один из Ноин-ульских курганов.

Кроме Г.И.Боровка, некоторые данные по археологии дала экспедиция Б.Я.Владимирцова и Б. Барадийна, произведшая небольшие раскопки в районе к востоку от Улан-Батора. Главной же целью этой экспедиции была современная этнология, главным образом в смысле лингвистики и фольклора. В этой же области работали Н.Н. Поппе, В.А.Казакевич и помощник Поппе, Бамбаев. Ими собран значительный материал по фольклору, особенностям современной живой речи халхасцев различных районов центра и востока Монголии, некоторые этнографические данные. Кроме того, все эти исследователи подробно регистрировали все исторические памятники по маршрутам своих поездок. Н.П.Поппе специально занимался восточными наречиями, в частности баргинским и дагурским.

Помимо перечисленного, необходимо упомянуть этнографические работы С.А.Кондратьева, имевшего задания от Академии Наук СССР. Им впервые в значительной степени полно изучена монгольская музыка, причем изучение это вскрыло своеобразную и, во многих отношениях,

высокую музыкальную культуру монгольского народа.

Такова, в самых общих чертах, работа, выполненная учеными Союза ССР на территории Монгольской Народной Республики. Материально здесь участвовали как учреждения СССР, главным образом Академия Наук, так и, отчасти, Ученый Комитет МНР.

Должен оговориться, что при составлении этого краткого очерка я пользовался исключительно материалами, имеющимися в Ученом Комитете МНР. Поэтому перечень исследований несколько неполон, так как за указанное время на территории МНР производился ряд работ, не связанных непосредственно с Ученым Комитетом.

В настоящее время дело изучения Монголии вступает в новую фазу развития. 5 октября этого года представителями Академии Наук СССР и Ученого Комитета МНР подписан договор о совместных работах по исследованию территории МНР в течение пяти лет, по плану, предложенному Академией Наук и одобренному Ученым Комитетом. Материально будут участвовать обе стороны, причем Ученый Комитет субсидирует экспедиции, имеющие непосредственное практическое значение для МНР. План предусматривает работу целого ряда экспедиций, причем среди них намечены новые для Монголии, как например, антропологическая, астрономо-геодезическая и, что особенно важно для МНР, гидрогеологическая.

Все эти экспедиции, в которых будут принимать участие главным образом ученые, уже работавшие в Монголии, должны в значительной мере расширить заложенную в истекшие годы основу детального изучения страны и разрешить ряд основных проблем, поставленных предыдущими исследованиями. Вместе с тем, этими исследованиями будет подведена солидная научная база под изучение хозяйственно-строительных возможностей страны и ее экономики вообще.

Активная помощь ученых Союза ССР революционной Монголии и совместная работа научных учреждений обеих дружественных стран еще более укрепят ту тесную связь между МНР и СССР, которая растет с каждым днем и является залогом свободного и правильного политического и хозяйственного развития Монгольской Народной Республики.

* * *

В заключение приведу список тех отчетов вышеперечисленных экспедиций, которые вышли из печати в изданиях Академии Наук СССР.

1. “Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К.Козлова”. Ленинград. 1925. (Статья П.К.Козлова, С.А.Теплоухова, Г.И.Боровка, Б.Б. Польшова

и В.И. Крыжановского).

Серия “Северная Монголия”.

2. (I) “Предварительные отчеты геологической, геохимической и почвенно-географической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году”. 1926 г. З.А.Лебедев, Б.М. Куплетский, Е.Е. Костылева и Н.М.Прокопенко, Б.Б.Полынов и И.М.Крашенинников.

3. (II) “Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году”. 1927 г. Б.Я.Владимирцов, Г.И.Боровка.

4. (III) “Краткий отчет о Монголо-Тибетской экспедиции Государственного Русского Географического Общества 1923 -1926 годов”. 1928. П.К.Козлов.

Серия “Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР”.

5. (вып. 1) Предварительный отчет геологической экспедиции в Северную Монголию за 1926 год. 1929. Б.М.Куплетский.

6. (вып. 2) Предварительный отчет ботанической экспедиции в Северную Монголию за 1926 год. 1929. Н.В.Павлов, Я.И.Проханов и Н.И.Иконников – Галицкий.

7. (вып. 3) Предварительный отчет зоологической экспедиции в Северную Монголию за 1926 год. 1929. А.Н.Формозов, А.Я.Тугаринов.

8. (вып. 4) Предварительный отчет лингвистической экспедиции в Северную Монголию за 1926 г. 1929. Н.Н. Поппе, Б.Б. Бамбаев.

9. (вып. 5) Надмогильные статуи Дариганги (печатается). В.А.Казакевич.

10. (вып. 6) Дагурское наречие (печатается). Н.Н. Поппе.